

Чжу Фэйсин был шарлатаном, причём весьма знаменитым. Правящая династия именовалась Янь, и со времён её основателя, императора Тай-цзу, представители рода Чжу из поколения в поколение становились государями-наставниками. Однако в этом поколении их традицию внезапно прервал господин Гу Мэнлань. Был ли господин Гу более искусен? Вовсе нет. Просто нынешний глава рода Чжу (и единственный его отпрыск), Чжу Фэйсин, представ перед императором, устроил целый спектакль с гаданиями и предсказаниями, после чего объявил, что первые двадцать лет государем-наставником ему быть не суждено, а следующие тридцать лет государем-наставником будет он.

Император, услышав это, пришёл в восторг. Он взошёл на престол в двадцать один год, и, согласно расчётам Чжу Фэйсина, получалось, что он просидит на троне пятьдесят лет. Значит, он проживёт как минимум до семидесяти одного года! В ту эпоху это был возраст стопроцентного долгожителя! Чжу Фэйсин к тому же прямо заявил, что, согласно гексаграммам, будущий государь-наставник уже находится в Чанъане. Так, снискавший в то время славу в столице мастер фэн-шуй Гу Мэнлань в одночасье стал государем-наставником.

Нынешний государь, говоря прямо, был правителем никчёмным. Его некомпетентность и слабование были просто поразительны. То, что он продержался у власти почти двадцать лет, было заслугой его деда, императора Тайцзуна, и отца, императора Ши-цзуна, которые оставили ему богатое наследие. Но любому наследству рано или поздно приходит конец. К тому же, за долгие годы правления государя все старые сановники, что могли его сдерживать, поумирали. А новые либо предпочитали отмалчиваться в ожидании следующего правителя, либо и вовсе были рады видеть у власти недалёкого императора и потакали его роскоши и разврату. И вот теперь в государстве стали проявляться признаки упадка.

Проблема была в том, что и Гу Мэнлань не хотел быть государем-наставником! Чжу Фэйсин его попросту подставил. В девятнадцать лет Гу Мэнлань обрёл в Чанъане громкую славу и подружился с Чжу Фэйсином. И вот однажды этот самый Чжу Фэйсин, раскинув пальцы для гадания, заявил ему:

— Старина Гу, гексаграммы говорят, что связь с твоим учеником у тебя слаба! Если не будешь осторожен, твоя школа прервётся. Ты должен совершить доброе дело, чтобы обрести с ним встречу!

Молодой и пылкий Гу Мэнлань тогда лишь недоумённо спросил:

— О чём ты вообще? Какой ещё ученик?

Чжу Фэйсин снова пошевелил пальцами и добавил:

— Старина Гу, гексаграммы говорят, что и с твоей второй половиной связь у тебя слаба! Если не будешь осторожен, закончишь жизнь в одиночестве! Ты должен совершить доброе дело, чтобы обрести с ним встречу!

— ???

— Я могу помочь тебе изменить судьбу, предначертанную небесами, — продолжал Чжу Фэйсин, не обращая на него внимания. — Раз уж ты так искренне меня просишь, я, как друг, непременно тебе помогу. Я уже нашёл способ избавить тебя от проклятия одиночества.

— ??? Поймай, что за...

— Старина Гу, гексаграммы говорят, что тебе предначертано стать государем-наставником!

— ...Чжу Фэйсин, хватит! У тебя такой драматический талант! Тебе бы в оперу, а не вот это всё!

— Не станешь государем-наставником — останешься один на всю жизнь, — холодно бросил юный Чжу Фэйсин. — Нам, даосам, к одиночеству не привыкать, но вот... у того, кто должен был стать твоей второй половиной, в судьбе предначертана смертельная опасность... Если ваша связь будет недостаточно крепка, он умрёт молодым. А твой ученик проживёт жизнь в нищете и умрёт в тоске. Ты уверен, что не хочешь меня попросить?

—

Так Гу Мэнлань и попал в эту ловушку.

В этом году истекал двадцатилетний срок, о котором договорился с ним Чжу Фэйсин. Оставалось всего два года. Гу Мэнлань посмотрел на Юй Нина, который с заискивающим видом крутился вокруг его возлюбленного, называя того «учителем», и подумал: «Неужели... пророчество сбывается на нём?»

На следующий день Юй Нина по обыкновению разбудили для утренних занятий. Едва он закончил завтракать и собрался было попрощаться с наставниками, чтобы вернуться к себе во двор и засесть за книги (подальше от этой парочки), как в зал вошёл управляющий и, поклонившись, доложил:

— Господин, прибыл гонец.

Господин Гу, держа в руках чашку с чаем, даже не шелохнулся.

— Впусти.

Юй Нин поднялся, чтобы уйти. В частные дела господина Гу ему лучше было не вмешиваться

— таковы были неписанные правила этого мира. Но господин Гу, неожиданно махнув рукой, с улыбкой сказал:

— Если любопытно, можешь остаться и послушать.

— Слушаюсь, — Юй Нин покорно сел на место и тоже взял в руки чашку. Тёплый белый фарфор приятно согревал ладони в эту пору.

Вскоре в зал вошёл пожилой человек в тёмно-зелёном халате с вышитыми питонами и высокой шапке. Его лицо было покрыто тонким слоем белил, брови густо подведены чёрной тушью, а губы покрашены ярко-красной помадой в форме вишенки. Выглядел он... точь-в-точь как евнух.

Юй Нин ещё не успел опомниться от удивления, как старик заговорил тонким, пронзительным голосом. С заискивающей улыбкой он обратился к Гу Мэнланю:

— Государь-наставник, не виделись несколько месяцев, а вы всё так же блистательны!

Господин Гу медленно отпил чай и лишь затем бросил на него холодный, равнодушный взгляд. Старый евнух, казалось, ничуть не обиделся и, продолжая улыбаться, извлёк из рукава свиток ярко-жёлтого цвета.

— Государь-наставник, взгляните...

— Давай сюда, — небрежно бросил господин Гу. Синеодетая служанка тут же шагнула вперёд. Старый евнух, несколько раз кивнув, передал свиток ей, а та, в свою очередь, преподнесла его господину Гу.

— Государь-наставник, его величество очень по вам скучает. Он просил передать вам свои наилучшие пожелания и... спросить, когда вы вернётесь в Чанъань, — осторожно проговорил евнух, внимательно следя за выражением лица господина Гу.

С таким подобострастием обычно ухаживают за богатым и умирающим отцом.

— К чему такая спешка? Всему своё время, — господин Гу по-прежнему был холоден и неприступен, даже не пытаясь изобразить уважение к императору. Старый евнух, хоть и понял это, не осмелился больше ничего спросить, и уж тем более не решился, как в сериалах, воскликнуть: «Как ты смеешь выказывать неуважение к его величеству! Стража, взять его!». Что это, если не настоящая власть злодея?

Юй Нин, сидевший в стороне, чуть не выронил чашку. Что сказал этот старый евнух? Государь-наставник? Возлюбленный его учителя — государь-наставник?! Да ещё и с замашками главного злодея?

«Что делать, у меня такое чувство, будто возлюбленный моего учителя — глава какой-то зловещей секты».

Старый евнух хотел было что-то ещё сказать, но господин Гу поднял на него взгляд, и тот, будучи человеком сообразительным, тут же откланялся и удалился. Едва он ушёл, как господин Гу с отвращением швырнул свиток на стол. Господин Мэй взял его, развернул и, пробежав глазами, сказал:

— Ты как в воду глядел. Всё те же пустые хлопоты.

— Мне даже смотреть на это лень, — господин Гу потянулся и вдруг сказал: — А-Жо, давай через несколько дней отправимся в путь... В это время года вода в префектуре Чжоутянь должна быть лазурной. Поедем не спеша, полюбуемся пейзажами, понежимся в горячих источниках, как тебе? — говоря это, он картинно схватился за поясницу и пожаловался: — Старею, уже не то, что в молодости. То спину ломит, то поясницу...

— Отдохнуть там и вправду было бы неплохо, — господин Мэй на мгновение задумался, кивнул и, повернувшись к Юй Нину, добавил: — А-Нин поедет с нами.

Префектура Чжоутянь находилась по соседству с префектурой Пинбо. Если не пользоваться почтовыми станциями, то добраться туда можно было дня за три-четыре. Чжоутянь славилась своими пейзажами и горячими источниками. Юй Нин давно о них слышал. Он моргнул... В конце концов, время здесь и в его мире текло по-разному. Если он съездит отдохнуть на пару недель, а потом вернётся в свой мир... ничего страшного ведь не случится?

<http://bllate.org/book/13659/1586518>